

Острые зубы вонзились в тело Се Чжиняня, кровь залила его глаза. Он невольно издал глухой стон, и руки, до этого отчаянно цеплявшиеся за воздух, безжизненно повисли среди зомби. Из его горла вырвался нечленораздельный хрип:

— Лу Синчжоу, где ты? Спаси меня.

В его глазах застыла невыносимая мука. Он беспомощно наблюдал, как зомби терзают его плоть, и пытался оттолкнуть монстров:

— Я не хочу умирать там, где ты меня не видишь.

Возможно, дыхание было слишком жарким, и он уже не мог отличить галлюцинации от реальности. Одиноким, поверженный среди руин, он чувствовал, как лоб обдаёт холодом, пот смешивается с кровью, а веки дрожат. Перед глазами все плыло, и он, словно продираясь сквозь терновник, прошептал:

— Я хочу жить!

Окружавшая его мебель казалась вросшей в глазницы. Се Чжинянь понимал, что это морок, но не мог сдержать стоны:

— Я хочу жить, я еще не хочу умирать.

Ненавистные.

Отвратительные.

Грязные.

Се Чжинянь дошел до предела отчаяния и впился зубами в собственный язык:

— Я не хочу умирать там, где ты меня не видишь.

Он не желал быть растерзанным зомби. Он не хотел умирать, он хотел жить, но снова и снова проваливался в кошмар осажденного города.

Красивое лицо Се Чжиняня было испачкано кровью, одежда на груди потеряла свой цвет, а на месте укусов запеклась кровь. Он смотрел, как куски его плоти падают на землю, и груды золота и драгоценностей вокруг казались ему совершенно бесполезными.

— Неужели только потому, что я не эвольвер, я действительно заслуживаю смерти?

В его видениях призывы о помощи становились все тише, сил сопротивляться больше не было. Он рухнул в лужу крови, из горла вырвался хрип, и он зажал себе рот обеими руками.

— Как ты мог оставить меня умирать?

В тот день юноша много раз звал Лу Синчжоу, но тот так и не услышал его, пока из груди не вырвался последний кровавый вздох.

Рядом с рукой Се Чжиняня лежал окровавленный камень. Его голова покоилась в луже крови, лицо было залито алым. Он уже не мог разглядеть того, кто стоял перед ним, и его лицо стремительно бледнело:

— Кто, как не ты, самый бессердечный? Лжец. Ты обещал, что защитишь меня, даже ценой собственной жизни.

Все это ложь.

Се Чжинянь замотал головой, бормоча:

— Почему не я стал мутантом? Будь ты на моем месте, ты бы страдал так же, как я, ведь нет ничего безнадежнее, чем остаться в апокалипсисе без способностей.

Воспоминания о детском невнимании всплыли на поверхность — он ведь не был плохим с самого начала.

Се Чжинянь больше всего на свете ненавидел, когда над ним смеялись. Даже предаваясь расточительству, он хранил верность своим убеждениям. Он хотел доказать Сун Бэйчуаню, что ничем не хуже Сун Сяоханя. Главные герои всегда остаются героями, и даже когда окружающие становятся спасителями мира, второстепенные персонажи так и остаются ни с чем.

Они — любимцы небес, безупречные божества. Они рождены, чтобы купаться в любви, все вокруг невольно склоняются перед ними, и сама судьба подносит им все самое лучшее на блюде.

А удел второстепенных персонажей трагичен.

Се Чжинянь был одержим идеей устранить этих любимцев. Возвращение Сун Сяоханя означало раздел наследства. Он всю жизнь был падок на деньги — как он мог позволить кому-то отобрать его достояние?

В его глазах он был единственным сыном семьи Сун.

Жить — не преступление, но его способ выживания был построен на костях других.

Он не понимал, в чем его вина.

Се Чжинянь опустился на колени, и лихорадочное возбуждение начало спадать:

— Оказывается, любая любовь может исчезнуть.

Он пытался удержать песок, утекающий сквозь пальцы, бил себя по голове, пытаясь вырваться из галлюцинаций. Кровавые слезы текли по щекам, он рыдал в голос, но горло перехватило, и звуки почти не вырывались наружу:

— Не только я один предал тебя. Преследовать меня так упорно — бессмысленно.

Воспоминания становились все больнее, кошмар — все беспросветнее.

Се Чжинянь лежал на полу, заливаясь слезами. Спустя долгое время он поднял взгляд на стену и слабо улыбнулся, глядя на куклу-марионетку.

Люди на базе называли Се Чжиняня неблагодарным. Возможно, они забыли: собака не может услышать вой волка, а волк не слышит скулежа собаки. Мир диктует свои жестокие правила, и одинокий волк в снегах еще десять лет назад научился терпеть все в одиночку. Никто не учил юношу жертвовать любовью.

Никто не учил его, что такое доброта.

У него не было нимба святого, лишь обычное человеческое желание выжить любой ценой.

Он был таким же, как большинство, — он использовал любые средства, чтобы удержаться на плаву. И что с того, что другие называли его подлым?

Вокруг виллы слышались шаги. Дежурный эвольвер доложил:

— Как только я открыл дверь, на третьем этаже слышался сильный шум, доносились невнятные рыдания, что-то разбилось. По приказу Лорда несколько человек осмотрели помещение, но господина Суна нигде нет.

Человек, отвечавший за проверку виллы, спросил:

— Не могло ли что-то случиться?

Лу Синчжоу молчал. Он окинул взглядом окрестности виллы. Высота третьего этажа была приличной, и он заметил:

— Вокруг нет следов крови.

— Он все еще внутри. — Он и сам не был уверен, но сезон дождей — отличное время, чтобы скрыть следы преступления.

Лу Синчжоу плотно сжал губы, быстро поднялся по лестнице и распахнул запертую дверь комнаты. Не увидев знакомого силуэта и окинув взглядом беспорядок, он нахмурился:

— Куда он делся?

Сбежал?

Занавески одиноко колыхались, стекло не было разбито.

Лу Синчжоу специально спроектировал эту комнату в вилле — это была клетка, созданная им для Се Чжиняня. Даже обычный алмаз не мог оставить на стенах царапину, комната была герметичной, воздух поступал лишь через вентиляцию. Ему было некуда бежать.

Как он мог выбраться?

Неужели у Се Чжиняня и правда выросли крылья?

Лу Синчжоу охватила нелепая тревога. Заметив на полу кровь, он с жестоким блеском в глазах резко обернулся к стоявшим позади людям. Его лицо исказила гримаса иронии, он произнес низким голосом:

— Он ранен и далеко не уйдет. Усильте охрану базы.

— Все за мной, искать! — добавил он спокойнее. — Не дайте другим обнаружить его. Если найдут — возникнут проблемы.

Если Се Чжинянь пропадет, ситуация выйдет из-под контроля. Он не хотел, чтобы кто-то еще нашел его — здесь, с ним, он был в безопасности.

Лу Синчжоу сжал пальцы, и, вспомнив что-то, отвел взгляд, глядя на разбитый фотоальбом.

На фотографии, сделанной еще до апокалипсиса в парке развлечений, юноша выглядел беспечным. Они вышли из комнаты ужасов, и случайный прохожий запечатлел их — в черных масках и плащах, совсем как при их первой встрече. В глазах Се Чжиняня тогда читалось нечто странное, он положил руку на плечо Лу Синчжоу, и в его взгляде не было скрыто корыстное желание обладания.

Тогда они лишь играли роли в комнате страха, а теперь, когда играть уже не нужно, Се Чжинянь сам стал призраком, пожирающим сердца. И тот детский страх перед аттракционом оказался ложью.

В давящей тишине Лу Синчжоу присел, поднял фотографию, потирая ее края, и едва слышно прошептал:

— Усилить охрану, перекрыть все выходы.

Казалось, он больше не хотел поддерживать даже маску безразличия или насмешки.

Они превратили тебя в монстра, но ты в ответ погубил того, кто отдавал тебе всю душу.

Это ошибка. Мой Няньнянь.

— Лорд, вы не слышали странных звуков? — вперед вышел человек в белом. Он, дрожа, указал на край одежды, выглядывающий из-под кровати: — Из-под кровати доносится звук, там еще какие-то лохмотья, похоже на человеческий всхлип.

Того, чьи глаза ослеплены ненавистью, трудно убедить в обратном. Лу Синчжоу подсознательно проигнорировал пронзительный всхлип, убрал фотографию в карман, стер с лица холодную испарину и, ступая тяжелыми черными сапогами, направился к источнику звука:

— Под кроватью?

— Я ничего не слышу. Вы хотите сказать, что в доме Лорда завелись призраки? — остальные проверяющие начали толкать друг друга. — Снаружи на базе вывесили белые полотна в память об усопших, но призраки возвращаются только в дни поминовения. Нет никаких пророчеств о том, что духи нарушают правила и возвращаются раньше срока.

— Это точно всхлипы, он плачет так горько, аж сердце разрывается.

Оклеветанный мужчина с ледяным лицом ответил:

— Звучит очень мучительно, я не ошибся. Замолчите и прислушайтесь, он, кажется, все время зовет Лорда по имени.

— Говорит, что ему очень страшно.

— Говорит, почему ты сам себя не спасешь.

Зовет Лорда по имени?

Толпа уловила ключевой момент:

— Хватит здесь устраивать балаган.

Лу Синчжоу отставил фонарь, обошел кровать и заглянул за изголовье. Его взору предстали бледные ступни с посиневшими от холода пальцами. Простыня скрывала изгибы тела, из-под нее доносилось дрожащее, холодное дыхание — будто раненый кролик что-то грыз.

Свет не проникал вглубь.

Он присел на корточки, потревожив дрожащую тень. Тихий всхлип сменился пронзительным, безумным смешком.

Лицо Лу Синчжоу, застывшее в полутени, напоминало неприступную скалу. Всю прошлую ночь бушевала гроза — неужели этот человек всю ночь просидел под кроватью, боясь раскатов грома?

— Вылезай.

Голос Лу Синчжоу звучал властно, в его черных, как смоль, зрачках не было ни капли света. Он поднес огонек ближе к дрожащему Се Чжиняню, откинул край простыни и, привыкая к прохладе, просочившейся в убежище, сказал:

— И что изменится от того, что ты прячешься?

— Вылезай и переоденься.

Лу Синчжоу полуприсел на пол, провел рукой и коснулся большого пятна жидкости. Не

дождавшись ответа от юноши и осознав, что что-то не так, он резко протянул руки, чтобы вытащить Се Чжиняня. Его ладони дрожали, тревожа забившегося в угол человека.

— Няньнянь?

Словно взгляд сквозь годы, свет фонаря прорезал тьму, и Се Чжинянь вздрогнул:

— Чжоу-Чжоу.

Его детское прозвище.

Кровь в жилах Лу Синчжоу закипела, кости заныли от боли. Се Чжинянь сжался в комок и лишь спустя долгое время повернул голову. В его глазах застыли кровавые слезы, блестевшие в свете огня, словно рассыпанная звездная пыль. В этом взгляде не было злобы.

— Синчжоу.

Се Чжинянь запинался, закрывая лицо руками:

— Чжоу-Чжоу.

Лу Синчжоу застыл на месте, глядя на зубы Се Чжиняня, на его бледнеющие от боли глаза, и горько спросил:

— Что с тобой?

Се Чжинянь выглядел как пустая кукла:

— Мне приснился такой страшный кошмар. Мне снилось, что ты бросил меня. Снилось, что мы маленькие, играем в прятки. А я не могу тебя найти.

В его глазах, отражавших обиду, он пристально смотрел на Лу Синчжоу, пока его галлюцинации постепенно рассыпались, превращаясь в бессвязные слова:

— Ночью была гроза, такой сильный гром, и было так холодно. Я всю ночь звал тебя по имени, почему ты не спас меня?

— Я кричал, пока голос не сорвал.

Голос Се Чжиняня был до предела слаб. В нем не чувствовалось эмоций, казалось, он до смерти боится света. Он снова вжался в стену, и горячие слезы, стекавшие из-под ладоней, падали на пол, заставляя его покрасневшие зрачки пылать еще ярче.